II
НАСЛЕДНИЦА ПРОКЛЯТОГО ОСТРОВА
18+
УЛЬЯНА МУРАТОВА

Ульяна Муратова

Наследница проклятого острова 2

Серия «Гайроны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71126329
SelfPub; 2025

Аннотация

Я почти достигла совершеннолетия, и теперь необходимо решить: бросать вызов королю Аберрии уже сейчас или же сначала доучиться в Нинарской Академии?

Содержание

Капитула первая, ставящая перед выбором 4
Капитула вторая, вскрывающая раны прошлого 17
Из письма Ярцвега Зортера к Аливетте Цилаф 32
Капитула третья, раздражённая 35
Из переписки Абератты Позойтар и Дойлорры Элитеры 51
Капитула четвёртая, сочувственная 53
Из писем Виóлы Зинтóзы к Аливетте Цилаф 66
Капитула пятая, полная неудач 68
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Ульяна Муратова
Наследница проклятого острова 2

Капитула первая, ставящая перед выбором

– Нет, Зиталь, – сказала я, глядя в светло-карие, янтарные глаза.

Он упёрся одной рукой в стену рядом с моим лицом и навис сверху, изучая пристальным взглядом то глаза, то губы.

За те почти два года, что мы проучились вместе, Зиталь превратился из очень привлекательного юноши в очень привлекательного молодого мужчину. Высокого, широкоплечего, атлетически сложенного. Сказывались практически ежедневные тренировки и хорошая наследственность. Тхорроты тоже выросли и возмужали, и даже щуплого я теперь называла щуплым скорее по привычке.

– Даже не знаю, что во мне сильнее – бешенство или интерес, – протянул Зиталь.

– Козарово упрямство, – подсказала я и улыбнулась.

Мы играли в эту игру с самого начала обучения. Он преследовал, а я отказывала. Но каким-то звериным чутьём Зиталь всегда знал, в какой именно момент нужно остановиться, и не переходил ту тонкую грань, когда его внимание стало бы по-настоящему неприятным. Вот и сейчас он вынуждал меня тесно вжаться в стену и нависал сверху, обдавая горячим дыханием, но руки не распускал и к телу не прижимался. Иначе я бы оттолкнула. А так – внутри бурлили предвкушение, возмущение и азарт. Вот только гайрона к запаху Зиталя была абсолютно равнодушна. Ей не нравился человек.

– Однажды ты согласишься, – с ласковой угрозой прошептал он, и по коже побежали мурашки.

– Нет, Зиталь, – повторила в сотый или тысячный раз.

Я боялась довериться ему, хотя внутри и бродили неоформившееся желания, любопытство и потребность в прикосновениях. Последние полгода мне снились очень жаркие сны, после которых я порой просыпалась от сладкой пульсации внизу живота. И Зиталь появлялся в них всё чаще. Но всё равно приходилось раз за разом отвергать его.

Не доверяла. После Ярца я не доверяла никому.

– Я буду очень нежен… или очень груб… в зависимости от того, что понравится тебе сильнее, – вкрадчиво пообещал янтарноглазый.

– Так иди и будь – через месяц начнётся набор первокурсниц, уверена, ты найдёшь, кем поживиться, – фыркнула я.

Нужно отдать Зиталю должное, он не зацикливался. Его

постоянно видели то с одной подружкой, то с другой, и даже с Горрией у них был недолгий, но полный страсти роман. И после каждых отношений – коротких или очень коротких, на другие он оказался неспособен – янтарноглазый пробовал воды в моей бухте. Но они оставались неизменно холодными.

Он человек, а я гайрона. И этого не изменить.

– Я всего лишь оттачиваю мастерство любовника, чтобы в нужный момент поразить умениями девушку, которая действительно имеет значение – тебя, – нахально улыбнулся Зиталь.

Я рассмеялась. Злиться на него было совершенно невозможно. Да и Горрия утверждала, что те самые умения отточены до нужной остроты. Однако проверять на личном опыте я не собиралась. Слишком много рисков. Вдруг гайрона зафиксируется именно на нём? Тогда я буду привязана и вечно верна человеку, который ничем подобным не скован. Очень трагичный путь. А зная любвеобильность одногруппника, ещё и откровенно мазохистский.

– Нет, Зиталь, – весело отпихнула его я и добавила: – Иди уже, а то опять в свою комнату через окно будешь залезать.

Он широко улыбнулся. Лестница мужского общежития Зиталя невзлюбила. Норовила исчезнуть прямо под ним, когда он торопился вернуться к себе до отбоя. Да и полуночные посиделки в комнатах пассий играли не последнюю роль – мой настойчивый ухажёр чаще попадал в свою спальню через окно, чем через дверь.

– Не стоит об этом волноваться, зорагаррия. Твой поцелуй стоит любых мелких неудобств, – радостно оскалился он.

Я закатила глаза и громко фыркнула, а потом направилась туда, куда и шла изначально. В столовую. Мне нужно учебник забрать, а потом к экзамену готовиться. Предыдущую сессию я сдала на позорные триста пять баллов из четырёхсот. Чёртова математика, даже на проклятийном факультете от неё не было спасения.

Пустое помещение встретило непривычным сумраком. Обычно тут ярко горели лампы, гомонили студенты и пахло едой. Сейчас же было тихо и непривычно безлюдно. Словно я пробралась на чужую запретную территорию и подглядела в закулисье. Столик, что мы с подругами занимали за ужином, оказался пуст.

Каскарр, да где же этот учебник?! Точно помню, что принесла его в столовую и положила на столик. А в комнату вернулась налегке и не сразу сообразила, что чего-то не хватает. Нет, обычно я ничего не теряю и нигде не забываю, но предстоящая сессия добавляла мандража. Вот что удивительно: сдано уже пять сессий, а волнение перед каждой только усиливается. Разве не должно быть наоборот?

Заглянув под стол и ничего там, естественно, не обнаружив, прошлась между рядами. Мы уходили одними из последних. Вряд ли книгу забрал кто-то из студентов. Вздохнув, направилась на кухню. Может, кто-то из работников нашёл и убрал?

– О да! – раздался довольный голос Лодиа́ки, когда я зашла в святая святых всего жилого корпуса, на территорию кухни. – Ещё!

Послышалось ответное утробное рычание. Что она там, нежить кормит, что ли? Раздались странные шлепки.

Приоткрыв дверь, я стала случайной свидетельницей пикантной сцены. Нашу миловидную пухленькую Лодиаку яростно вбивал в стену никто иной, как Крамýт Гизóр – двоюродный племянник короля. И это после всех тех оскорблений, которыми он осыпал бедную Трайдору?! Как он только её не называл – и жирной уродиной, и комком сала, и толстозадой… И теперь он с явным удовольствием имеет куда более полную буфетчицу? Каскарров лицемер! Я стояла, замерев от негодования и удивления. Крамут жадно стискивал большие груди девушки и весь отдавался процессу. Закрыла дверь, пока эти двое меня не заметили. Нужно обязательно рассказать об этом Трайде!

Линия раздачи, на которой обычно стояли подносы и кастрюли с едой, сейчас сияла чистотой и пустотой. Нигде моего учебника не было. Да что ж такое?

Звуки за дверью стали ещё более красноречивыми, а потом раздались стоны Лодиаки. Зачем она с ним вообще связалась, она же старше и должна быть умнее? Гизор – крайне мерзкий типчик, сколотил вокруг себя банду таких же гнусных приятелей и донимает тех, за кого вступиться некому. Но особенно его беспокоят полненькие девушки. Теперь хо-

тя бы понятно почему. Видимо, подавляет в себе влечение именно к таким формам, вот и выплёскивает свою агрессию на ни в чём не повинных пышек. Если ещё хоть раз полезет к Трайде, буду знать, как его отбрить.

Казалось бы, в чём твоя проблема – любишь пышнотелых, так признай это и живи спокойно. Но нет. Гизор гулял под ручку с худощавой аристократкой, а сам… Я ещё всегда удивлялась, что отношения у них чересчур прохладные и даже какие-то… натужные, что ли. Нарочитые улыбки и вызывающая оскомину вежливость. А оно вон что. Вся рычащая страсть достаётся буфетчице, а официальная подружка – лишь ширма. Кто бы знал.

И куда же запропастился учебник?

Закончив осматривать столовую, решила спросить о книге за завтраком. Каскарр, если потеряется, придётся новую покупать, а они дорогие…

Обратный путь лежал мимо двери в чертоги чревоугодия и, по текущему совместительству, сладострастия.

– Крам, – томно простонала Лодиака, – ты просто зверь…

Ну… не знаю, если на какого-то зверя Гизор и тянул, то разве что на обезьяну-носача. Безусловно, ореол богатства и принадлежности к правящей династии Аллорана придавали ему некую привлекательность, но по своим размерам она с его выдающимся носом сравниться всё равно не могла. Даже крайне значительная доля гайроньей крови симпатичным его не сделала. Конечно, племянник монарха из Гизора был

несколько сомнительный: сын сестры жены короля – не кровный родственник. Но фамилию он носил королевскую, а замашки имел и вовсе императорские. Надо ли говорить, что взаимной любви между нами с Гизором не сложилось?

Но у меня её вообще практически ни с кем не сложилось. Ближе всех дружила с Горрией и Трайдой. Лорея тоже прибилась к нашей компании и теперь даже жила с нами в одном блоке. Со временем я к ней привыкла и перестала ждать подвоха. Студентка кафедры ветеринарии оказалась очень милой, заботливой и доброй. В общем, аристократка из неё получилась так себе, что и позволило нам сдружиться.

Поднявшись в комнату, села за аркановедение. Учебник по этой дисциплине, к счастью, не потерялся, за что ему большая благодарность. Погрузившись в сложную схему плетения, перечертила её на листок, а потом сделала набросок на большом отрезе ткани. Так уж вышло, что стоило один раз вышить аркан, как он навсегда оседал в памяти. Таким нехитрым образом я их и учила. Завтра, в выходной день, нужно будет сходить в лавку магических чудес зайты Сорги́нды и прикупить ещё ниток, если найдутся. За последние два года лавка стала одним из моих любимых мест, я старалась бывать там хотя бы раз в месяц.

Когда мозги окончательно вскипели, захлопнула учебник и поднялась на ноги. До отбоя оставался целый час… можно успеть попить чаю. Приняв решение, я рванула к выходу.

Влажный вечерний воздух наполнил лёгкие, а темнеющее

с каждой минутой небо закрыли могучие тучи. Будет дождь? Возможно.

Зайтану Зиникору, как и рассчитывала, нашла в её кабинете. Она с задумчивым видом делала пометки в чьей-то работе. Узкие рукава чёрного платья плотно облегали худые морщинистые запястья. Но слабость этих рук была обманчива. Уж я-то знала, на что способна декан проклятийного факультета.

– Веточка, проходи. Как ты? – дружелюбно поприветствовала она.

За последние месяцы между нами установились особенно тёплые отношения. А всё потому, что я неизменно сдавала теорию проклятий на высший балл, да ещё и над своим собственным плетением начала работать. Я села в полюбившееся кресло и наблюдала, как хозяйка кабинета степенно наливает мне в кружку ароматного крепкого чая.

– Устала ужасно. Вот скажите, почему физподготовка настолько легче занятий по защитно-боевой магии? Казалось бы, гонять до изнеможения нас должны на первой…

– А что, вас недостаточно гоняют? – выгнула зайтана Зиникора седую бровь. – Так я разберусь. Действительно, почему это у меня второкурсники с занятий выходят, а не выползают, да ещё и в силах прийти декану жаловаться, вместо того чтобы где-то под кустиком стонать? Непорядок! – весело добавила она.

– Я выползаю… – попыталась заверить я проклятийницу.

– Недостаточно! Кстати, я тебе поставлю раз в пятидневку факультативное занятие с Ларом Сендой. У него хорошие успехи, и дипломную работу он будет делать по тому же направлению, что и ты. Вот и работайте вместе.

– Другое проклятие честности? – загорелась я.

– Проклятие Правды, как мы его называем. Думаю, что вдвоём вы быстрее выведете нужную формулу. И потом, в паре исследования проводить гораздо интереснее. Я зачту тебе эту работу как дипломную. А в случае если ты решишь не продолжать обучение после этой сессии, у тебя останутся кое-какие наработки. Ведь идея мне очень нравится. Никогда не смотрела на честность как на фактор, отравляющий жизнь.

– Мне кажется, проклясть можно хоть на любовь… – задумчиво протянула я. – Главное, правильно понять, как воздействовать. Проклятий, завязанных на эмоциональную сферу, слишком мало. А если судить глобально, то чем тоска отличается от эйфории? Обе – сильные эмоции.

– Тоска – это уныние, которое направлено в первую очередь на себя. А любовь всегда завязана на другой объект, потому структура этих двух арканов должна быть разной. Необходимо связать проклятием два совершенно разных объекта, а это всегда непросто. Обычно суть проклятия – связь объекта и события.

– Возможно, такого проклятия и не может существовать…

– Или же мы его просто не знаем, – пожала плечами зайтана Зиникора. – Только у меня на кафедре каждый год создаётся около двадцати новых проклятий. Да, абсолютное большинство из них неприменимо в реальной жизни, но раз в пару лет обязательно появляется новое гениальное плетение. И когда я на него смотрю, задаюсь вопросом: как же мы не додумались до этого раньше? Хотя… буду честна, иногда вопрос стоит иначе: как до такого вообще можно было додуматься?

Я отхлебнула горячего чая, и по телу разлилось приятное тепло. В компании зайтаны Зиникоры всегда легче думалось, особенно из-за того, что запретных тем не существовало. Мы всерьёз могли обсуждать способы избавления от трупа, сорта аросс, новую моду на странные стоячие воротнички, внешность декана защитно-боевого факультета или же методы вызывания землетрясений.

– Ты уже решила или нет? – спросила проклятийница, сделав небольшой глоток.

– Нет, пока нет. Готовлюсь к сессии. Её нужно сдавать в любом случае, раньше опорретана я не смогу заявить права ни на остров, ни на титул.

– Хочется представить рожу Рахарда Двадцатого, когда ты появишься у него на пороге с таким требованием.

– Ничего, говорят, что он достаточно крепкий гайрон, чтобы и не такое пережить, – хмыкнула я.

– А дальше? Будешь настаивать на независимости Цейла-

ха от Аберрии? – с любопытством посмотрела на меня зайтана Зиникора.

– Это будет означать гражданскую войну. Мне бы сначала узнать, как снять наложенное дедом проклятие и что творилось все эти годы с людьми на острове.

– Ты не предполагаешь, что он пуст?

– Нет. Дед может и был суровым сюзереном в некоторых вопросах, но свой остров очень любил, как любой Цилаф. Предполагаю, что проклятие просто не позволяет попасть на остров и уйти с него, но люди там живы и процветают.

– Скажи ещё, что на портальных арках состояние сэкономили, – фыркнула проклятийница.

Я лишь развела руками в ответ и сменила тему:

– А сейчас главное – сдать математику и артефакторику. И это я молчу про зельеварение…

Эти три специальности давались мне тяжелее всего. На прошлой сессии из ста двадцати возможных баллов по этим дисциплинам я набрала ничтожные тридцать семь. Можно, конечно, утверждать, что виной тому особо заковыристые задачки на билете, сожжённая мазь и взорвавшийся кулон-накопитель, но… я прекрасно знала, что подвели меня не обстоятельства, а плохие знания и умения.

– Так иди и готовься, нечего мой чай переводить, – улыбнулась зайтана Зиникора.

– Да уж посижу, поперевожу, – пробурчала я в ответ. – Но недолго. Вот не даётся мне варка ядов и обезображивающих

мазей. Что я с этим поделать могу?

– Настрой поменять, это раз. Стараться, это два. Сварить обычную мазь, уверена, что с твоим талантом хоть какой-то обезображивающий эффект у неё проявится, – весело улыбнулась собеседница.

Поначалу дела с зельеварением у меня шли очень даже неплохо, но после перехода на проклятийный факультет специфика несколько поменялась, и уже полгода меня преследовали неудачи. Разве что лосьон для выпадения волос отличный получился, даже лучше, чем у Горрии. Подруга, кстати, так и не смогла понять, что я делаю не так. Вроде берём одни и те же ингредиенты, варим по одному рецепту, а результаты… скажем так, имеют некоторые принципиальные отличия. И это я молчу про артефакторику. Векторные арканы я от всей души ненавидела, а артефакты у меня получались… с подвохом. И за подобный подвох преподаватель отчего-то не спешил меня хвалить. Так что, несмотря на всю поддержку подруг, в этих дисциплинах я плавала. Хотя без неё наверняка было бы ещё хуже.

Допив чай и тепло попрощавшись с зайтаной Зиникорой, я вышла на улицу. Звёзды на небе попрятались за тучи, и только луны робко светили сквозь плотную завесу облаков. Гайронье зрение помогало хорошо ориентироваться на тёмных аллеях академического парка, и я неторопливо прогулялась до дверей женского общежития.

К себе вернулась в задумчивости. Последние месяцы я

неустанно возвращалась к одному и тому же вопросу: попробовать истребовать полагающееся мне наследство сразу после достижения возраста ответственности или спокойно доучиться ещё три года в Нинарской Академии? Если меня до сих пор не обнаружили, то спустя два года шансы на это невелики, следовательно, можно спокойно напитываться знаниями и набираться опыта. Рахард Двадцатый без боя Цейлах не отдаст, да и не нужно ему, чтобы такой большой территорией правила девчонка. Чем я старше, чем больше у меня связей, тем проще будет.

А с другой стороны – на Цейлахе заперты люди и гайроны. Возможно, им нужна помощь. Учась в академии, я невольно лишаю их свободы и гражданских прав. А что если на острове эпидемия? А что если они голодают? Но даже если так, смогу ли я добиться цели, если ринусь в бой неподготовленной? Два года назад противостояние с королём Аберрии казалось мне само собой разумеющимся препятствием на пути к наследию предков, непростым, но преодолимым. Но чем больше я узнавала, тем яснее становилось: мне придётся вывернуться мясом наружу, чтобы добиться своего, и не факт, что этого будет достаточно.

Я не знала, как поступить.

Капитула вторая, вскрывающая раны прошлого

Проснулась по старой приютской привычке затемно. Повозилась в постели, уговаривая себя уснуть ещё на пару часиков. Но нет, не получилось. Пришлось подниматься и браться за учебники. До завтрака успела подготовить ответы на семь тем по аркановедению. Теорию и практику мы всё ещё сдавали как две разные дисциплины, и я надеялась набрать по ним хотя бы семьдесят баллов в сумме. Надо же чем-то компенсировать свою практически нулевую математику. С ней дело обстояло тем хуже, чем глубже мы ныряли в материал. Недостаток знаний накапливался, и со временем я просто перестала понимать новые темы. А чаровала интуитивно. Дар у меня проснулся рано, и притом сильный, занимались со мной много, поэтому я могла на глаз прикинуть необходимое количество энергии для каждого из уровней аркана и плести его наобум, тогда как остальные вынуждены были считать. И чем слабее дар, тем аккуратнее должны быть расчёты, ведь перерасход сил мало кто мог себе позволить. Но только не гайрона. В человеческой академии я была одной из сильнейших и даже получила несколько брачных предложений от самых разных парней.

Разумеется, приходилось всех отвергать. Человеку довериться нельзя. Даже Сенде. Кто знает, как поведёт себя гайрона в сакральную ночь после двух лет заточения? Мне было искренне стыдно перед своей второформой за такое издевательство, а ещё безумно хотелось в море. Поплавать на водных просторах, поохотиться, побыть собой. Такие сны мне тоже снились, и каждый раз после них я просыпалась разбитая и расстроенная. Гайрона хотела свободы, а я боялась момента, когда она начнёт её требовать.

За дверью послышались стук, шаги, а потом всхлипывания. Неужели к Горрии? Вышла в общую прихожую и увидела плачущую девушку, что прижимала к лицу мокрый платок.

– Как он мог… – простонала незнакомка. – Он же говорил, что всё сделал…

– Ох, дорогая, мужчины обманывают гораздо чаще, чем ты думаешь… – сочувственно проговорила Горрия. – Пойдём, дам тебе успокоительное.

С тех пор как соседка научилась варить прерывающее беременность зелье, на пороге периодически появлялись вот такие расстроенные, плачущие или, наоборот, застывшие в своём горе девушки. Не знаю, зачем я каждый раз выходила и слушала их истории, которые можно было бы записать одним коротким предложением: он обещал, что обновил противозачаточные арканы, и не сделал этого.

О каком доверии к мужчинам вообще может идти речь,

если они постоянно обманывают, когда речь идёт о настолько важном вопросе? И как можно быть настолько наивной, чтобы верить на слово? Как можно быть столь беспечной в настолько важном вопросе?

Однако стоило заплаканной девушке постучаться в дверь, как мы все бросали свои дела и приходили выслушать её. Словно нам читали один и тот же трагический рассказ снова и снова, только разными голосами. Но не выслушать было совершенно невозможно. Какая-то внутренняя потребность раз за разом заставляла нас это делать.

Горрия давно пожалела и о том, что научилась варить злополучное зелье, и о том, что случайно об этом проговорилась.

– Почему нет противозачаточных арканов для женщин? – жалобно всхлипнула незнакомка, утирая слёзы. – Почему всё так несправедливо?

На эти вопросы мы отвечали регулярно. Жизнь вообще несправедливая штука, но, может, оно и к лучшему. Неизвестно, где мы все оказались бы, если бы жизнь воздавала нам исключительно по заслугам.

– Однажды их изобретут, и нам не нужно будет полагаться на мужчин, – успокаивающе сказала Лорея, поглаживая девушку по растрёпанным волосам.

Незнакомка с горечью кивнула и спросила:

– Сколько стоит?

– А ты уверена в своём выборе?

– Не знаю.

– Тогда зелье я тебе пока не продам, – ответила Горрия. – Ты пойми, что это большое решение, нельзя его принимать на эмоциях. Подумай.

А всё дело в том, что противозачаточные арканы стоили немало, и обновлять их нужно было не реже одного раза в месяц. Но куда проще солгать и поставить свою партнёршу перед фактом: это она останется один на один с последствиями их связи. Очень удобно.

– Возьми, это поможет успокоиться, – сказала Горрия, отдавая девушке большую пастилку с успокоительным.

Их шатенка продавала куда дороже себестоимости, и перед экзаменами они пользовались огромным спросом. Пастилки имели травянисто-лиймовый вкус, приятно пахли и дарили ощущение лёгкости. Но много съесть не получалось – от передозировки начинало подташнивать.

– Как зовут твоего любовника?

– Лисан Керийа.

Горрия аккуратным почерком внесла новое имя в список обманщиков. Этот список мы регулярно обновляли и делились им со всеми желающими ознакомиться. Парни, естественно, об этом ничего не знали и потом нередко удивлялись, почему же интерес со стороны женской половины академии к ним резко утихал и сменялся брезгливостью или даже откровенной враждебностью.

Незнакомка уткнулась лицом в плечо сочувственно вздыхающей

хающей шатенки и мелко затряслась в беззвучном плаче. В такие моменты я особенно сильно злилась на лживых парней. И было их, судя по списку, не так уж мало, а происхождение ни на что не влияло. Я бы даже сказала, что аристократы в вопросе контрацепции были более аккуратны, да и в деньгах редко ограничены.

Проводив расстроенную девушку, мы понуро отправились на завтрак.

– И что настолько сложного в противозачаточном аркане для женщин? – тоскливо спросила Горрия.

Шатенка прекрасно разбиралась в зельях, а также в том, из чего они изготавливались – в растениях, минералах, животных и особенно в их органах и секретах желёз. Но вот аркановедение ей давалось хуже. Она осваивала базовый минимум, а на остальное махала рукой. Зайтан Алайа до сих пор не знал, что его обожаемая дочка учится на зельеведческом, а не общебытовом факультете, и планирует продолжить обучение до самого выпуска, на что активно копит. Вот такой сюрприз ждёт того старого жениха-гайрона, которому Горрия обещана в качестве возможной жены.

Я её уже спрашивала, как такое возможно, ведь гайрон выбирает партнёршу по запаху, а Горрия ответила, что тот гайрон свою пару так и не встретил, давно отчаялся её найти и решил попытать счастье хотя бы таким способом. Для меня вся эта история звучала несколько сомнительно, но кто я такая, чтобы решать за незнакомого и тем более немолодого

гайрона? А вот подруга чем дальше, тем меньше хотела выходить замуж по указке отца и готовила пути отступления, не забывая, впрочем, о и том, чтобы крутить как можно больше жарких романов и романчиков с самыми привлекательными парнями академии.

– У кого какие планы на сегодня? – вздохнула Лорея, ковыряясь в тарелке.

– Мы с Сендой хотим на прогулку в город выбраться, – ответила я. – Ну и учиться, куда без этого. Начало сессии через несколько дней. Кто что первым сдавать будет?

– Физподготовку, – недовольно пробурчала Трайдора.

Рыжеволосая подруга хоть и заметно подтянулась за последние два года, всё равно осталась… сочной. Но чем старше мы становились, тем больше парней на неё заглядывалось. Трайде, по крайней мере, было что сложить в корсаж. А у меня ничего из того, что принято убирать в отделанный кружевом лиф, так и не выросло. Видимо, всё ушло в рост. На плотном столовском питании я прибавила четверть вары, что очень удивляло девочек и создало некоторые трудности при выборе одежды. В итоге из подруг меня выделял не только серебристый с лёгким голубоватым отливом цвет волос, но и внушительный рост. А если туда прибавить ещё и гайронью силу, помноженную на тренировки, то становится понятно, почему Зиталь предпочитал грань не переходить. Нос в случае чего я бы ему в лицо вмяла без особых усилий.

– Сегодня Сенда наконец ведёт тебя на свидание? – спро-

сила вдруг Горрия.

– Нет. Мы друзья, – в который раз закатила глаза я.

– Ага, знаем мы, как он на тебя смотрит. Друзья они… У него уже два года девушки нет, пожалела бы парня! – заиграла любимую мелодию подруга.

– И что мне теперь, со всеми парнями, у которых девушки два года нет, начать встречаться из жалости? – фыркнула я.

– Да нет, можно только с Сендой, – радостно оскалилась она.

Рослый беловолосый проклятийник с резкими скулами и широченными плечами вызывал у зельеварки неизменный романтический интерес, но на все её тонкие и не очень тонкие намёки не отвечал никак, а время проводить предпочитал со мной. Но я с самого начала предупредила, что встречаться с ним не намерена, поэтому обвинять меня в чёрствости или игре на его чувствах тоже нельзя. Он в любой момент мог перестать со мной общаться. Хотя скажу честно, мне бы этого ужасно не хотелось. Не будь я гайроной, давно бы затащила в постель именно его.

Но – нельзя.

Моя жизнь состоит из экономии, учёбы и ограничений, потому что у меня есть цель: заявить права на титул и Цейлах. И даже Сенда с его чудесной улыбкой рядом с этой целью выцветает до полной монохромности. Сначала – наследие Цилаф, потом всё остальное.

Отнеся поднос на место, я подошла к пышногрудой бу-

фетчице, хозяйничающей на линии раздачи, и улыбнулась:

– Приветствую, Лодиака! Очень вкусный сегодня омлет.

– И тебе доброго утра, Вета. Омлет на диво удался, – согласилась она.

– Лоди, ты случайно не видела в столовой мой учебник? Кажется, я забыла его за ужином вон за тем столиком, не могу нигде найти.

– Нет, учебники никто не приносил, а сама я не находила, – она задумчиво постучала пальцем по пухлым губам и заверила: – Если кто-то обнаружит, я дам тебе знать за обедом. Да и у кухарок спрошу, может, кто его видел.

– Спасибо! Тогда до обеда!

– Увидимся!

Куда же запропастился этот каскарров учебник?

Но и в обед Лодиака лишь развела руками…

Как я должна учить растениеведение, если потеряла учебник?

Через пару часов после обеда за мной зашёл Сенда. Я широко улыбнулась другу и повесила бабушкину сумку на плечо.

– Куда пойдём? – спросил он, отвечая на мою улыбку.

Светло-голубые глаза смотрели весело и с едва уловимой лаской. В их лучах я отогревалась. Сенда был единственным, кто мне не лгал. Проверяла неоднократно.

– Хочу пройтись до лавки древностей, навестить зайту Соргинду. Посмотреть, может, у неё появились новые нитки

или книжки.

– Кто бы сомневался. Кстати, у меня есть для тебя небольшой подарок. Но я тебе его не отдам. Это сюрприз.

– Ах, как это жестоко с твоей стороны!

– Я жестокий, ты разве не знала? – широко улыбнулся он, подтрунивая.

Пока придумывала достойный ответ, мы как раз вышли из ворот Нинарской Академии и начали плавно углубляться в город по давно знакомому маршруту.

– А я думала, что ты милый и безобидный, – фыркнула я, когда уши стражников остались далеко позади.

– Милый и безобидный проклятийник? Не самое распространённое сочетание, – хмыкнул он.

День сегодня выдался вполне ясный, и мы шагали по залитому солнцем городу, наслаждаясь холодным сезоном. Цены ему не было, пока не начинались сплошные ливни.

– До опорретана осталось совсем немного времени. Скоро бал. Я хотел предложить тебе свою кандидатуру в качестве кавалера, – заговорил беловолосый, щурясь от ярких лучей. – Если ты, конечно, ещё не дала согласие Зиталю.

– Не начинай! – отозвалась я. – Сто раз говорила, что между мной и Зиталем ничего нет. И с радостью приму твоё предложение, если ты уверен, что не хочешь позвать какую-нибудь девушку на свидание.

– Уверен, – коротко ответил Сенда и сменил тему: – Хочешь леденец или пирожное?

– Ты сегодня просто фонтанируешь замечательными предложениями. Конечно, хочу!

Мы притормозили у подвернувшейся кондитерской, и Сенда купил корзиночку со сладостями.

– Мы столько не съедим, – плотоядно уставилась я на пирожные и обваленные в ореховой стружке крупные конфеты.

– Зайту Соргинду угостим.

После того как старушка продала Сенде полуистлевший трактат по проклятиям на древнеаберрийском, он воспылал к ней особой трепетной любовью. Это путь к сердцу обычного мужчины лежит через желудок, а у проклятийников, как известно, сердца нет, вот и приходится заполнять эту зияющую в груди дыру древними фолиантами. Беловолосый настолько дорожил своей покупкой, что даже мне не давал подержать ту книгу в руках, разрешал только смотреть, затаив дыхание. И да, последнее – обязательное условие.

К лавке мы подошли, когда солнце склонилось к горизонту и окрасило город во все оттенки янтаря. Сенда нёс корзинку, а я разглядывала расцвеченные золотом дома. Словно вся улица стала в миг зачарованной, и магия навеки поселилась на выбеленных стенах. И на пороге небольшого домика, всего в ста варах от нас я вдруг заметила знакомую фигуру. Ярко-синие, теперь уже коротко стриженые волосы, насмешливая улыбка, тонкий шрам, рассекающий правую половину лица.

Ярц.

Я замерла на месте, пригвождённая к булыжной мостовой одним лишь его видом. Заметив меня, он лениво отсалютовал, кивнул мне на прощание и повернулся к своей беловолосой спутнице. Рядом напряжённо застыл Сенда. Его левая рука вдруг скользнула мне на поясницу и осталась там. На исчерченной выступающими синеватыми венами правой кисти засияла золотом магия – пальцы сами чертили сложный боевой аркан.

Но Ярц даже не обернулся в нашу сторону. Он со своей спутницей скрылся за углом на ближайшем перекрёстке, так и не удостоив меня больше ни единым взглядом. Сердце в груди билось часто-часто, словно ускоряя время своим ритмом.

– Это он? Тот гайрон? – тихо спросил Сенда, не убирая руки с моей спины.

– Что? – я подняла на него глаза и постаралась успокоиться.

Ничего не произошло. Ярц мне не навредит. Мне не стоит его бояться. Точно не стоит после стольких лаурденов спокойствия. Капитан дал слово и сдержал его.

– Это тот самый гайрон, про которого ты рассказывала? Из-за которого ты больше не доверяешь мужчинам?

– Я не доверяю никому, – слишком резко ответила я, сбитая с толку неожиданной встречей.

Что он вообще делает в Нинаре, да ещё тут, рядом с лавкой зайты Соргинды?

– Тем не менее, это тот самый гайрон, которого ты любила, а потом он тебя обманул и попытался использовать?

– Нет, Сенда. Этот тот гайрон, которому я по глупости позволила себя обмануть, но я никогда не любила его. Это было лишь мимолётное наивное увлечение не разбирающейся в мужчинах девушки.

Почти правда. Да, я не любила Ярца по-настоящему, но… он ранил меня. Вернее, я позволила ему себя ранить. И много раз распекала себя за то, что не довела тогда дело до конца. Боялась, что он отомстит, хотела, чтобы он умер, а иногда – надеялась, что гайрон раскается и вернётся просить прощения. Но ничего из этого не произошло. Ни мести, ни смерти, ни извинений.

Только одно письмо и одна клятва.

– И с тех пор ты решила просто закрыться? Не вступать ни в какие отношения, чтобы тебя никто не мог предать? Это глупо, Вета! – горячо заговорил проклятийник, ловя мой взгляд. – Если тебя обманул один, это не значит, что так поступит каждый!

– Сенда, не начинай! Мы же уже говорили об этом.

– У меня есть имя. Атзелар. Лар.

– Прости, Лар. Но Ярц тут ни при чём. Дело не в нём, – попыталась я убедить друга, но он уже поймал попутный ветер.

– Нет, Вета. Ты закрыта. Ты ничего толком не рассказываешь о прошлом, избегаешь близости, вечно начеку. Он ра-

нил тебя куда сильнее, чем ты хочешь показать.

– Лар, дело правда не в нём…

– Тогда в чём? Я уже два года пытаюсь найти к тебе подход, но словно бьюсь в закрытую дверь.

Его красивое, залитое золотым светом лицо вдруг стало очень серьёзным.

– Лар, о чём ты? Ты нашёл ко мне подход, и мы прекрасные друзья… – начала я.

– Мне этого мало, – перебил Сенда. – Я хочу, чтобы ты стала моей арданой, Вета. Каскарр, у меня нет с собой ножа, но я готов преподнести тебе косу прямо сейчас.

Слова молнией ударили посреди тихой улочки. Я знала, что он не шутит. Смотрела на высокие, словно вылепленные искусным скульптором скулы, на ярко очерченные губы и решительно сошедшиеся на переносице белые брови. Глаза цвета утреннего неба требовали ответа.

– Хорошо, что ножа нет. Я бы не приняла, Лар, – обречённо ответила я. – Прости.

Проклятийник выпрямился и отвёл полный боли взгляд в сторону.

– Почему?

Потому что я гайрона! Гайрона, которая вынуждена постоянно притворяться, которая скрывается в академии под чужим именем, которая собирается бросить вызов королю Аберрии. И как только это случится, Рахард Двадцатый растопчет каждую мою слабость. Любой из моих близких станет

мишенью, но особенно это коснётся ардана. Если я приму косу Сенды, то, возможно, подпишу ему смертный приговор. Ему и всем, кого люблю. Поэтому я никогда не признаюсь королю, где именно училась эти годы, и не отвечу ни на одно из писем моей замечательной Ви.

– Мне не хочется романтических отношений, Лар. Слишком много нервов и времени уходит на учёбу.

– Это ложь. Скажи мне правду! – сердито потребовал он.

Что я могла ему сказать?

– Ты не в моём вкусе, Лар. Прости. Как и Зиталь. Как и Хирут. Как и другие мальчики, которые делали мне предложения.

– Но этот синеволосый хлыщ – он в твоём вкусе, так? Интересно, почему? Что в нём есть такого, чего нет во мне?

– Он гайрон. Мне нравятся гайроны, – тихо ответила я. – Прости, Лар. Мне очень жаль.

Лицо проклятийника перекосилось от обуявших его эмоций.

Да, гайронов в Аллоране не особо любили, и нам с Сендой порой доставались гаденькие шуточки и подколы на эту тему, как и всем остальным беловолосым студентам.

– Это глупо. Любить сущность, а не личность – это глупо, Вета.

Я лишь развела руками.

Сенда покачнулся, перекатившись с носков на пятки и обратно, а потом молча направился в лавку. Вот только я за

ним не пошла. Не захотела. Развернулась и отправилась обратно к себе. Встреча с Ярцем вскрыла старую рану, которую я уже давно считала зарубцевавшейся.

Из письма Ярцвега Зортера к Аливетте Цилаф

Аливетта Цилаф!

Для начала позволь мне выразить своё восхищение. Я недооценил тебя. И у меня было три долгих дня, чтобы понять, насколько сильно я ошибался в представлениях о тебе, маленькая хитрая гайрона, достойная дочь своего древнего рода.

Знаешь, первый день в той каскарровой лодке я мечтал тебя убить. О, сколько чудесных и изощрённых способов я придумал! Ты, как Цилаф, оценила бы полёт фантазии. Если бы мне удалось тогда справиться с параличом, я бы вернулся и взял штурмом хоть Нинарскую Академию, хоть твой проклятый Цейлах, чтобы добраться до тебя и задушить. Отомстить за свою слабость и порушенные планы.

На второй день я принялся размышлять о своей жизни. Те вопросы, что ты мне задала… я гнал их как можно дальше от себя, но непроизвольно всё равно раз за разом возвращался к ним. На третью ночь прошёл жуткий ливень. Когда он закончился, я лежал в практически затопленной лодке посреди тёмного ночного моря, и над головой были лишь безмолвные звёзды, такие же неподвижные и бессильные, как я сам. Я решил, что умру. Переохлажусь, утону или попаду

под киль корабля. Я попрощался с жизнью. Довольно дерьмовой жизнью, если быть откровенным. Но весёлой, этого не отнять.

Рядом со мной несколько раз загорались почтовые порталы, и я вдруг очень ясно осознал, что когда умру, никто, кроме отца, не станет горевать. За мою смерть поднимет кружки мой экипаж, но никто не проронит даже жалкой слезинки.

И отчего-то стало больно, что я не стою ни одной слезинки, Аливетта.

Когда забрезжил рассвет третьего дня, я принял решение изменить свою жизнь. Я совершал не только плохие поступки, хорошие тоже случались. И тогда, в третий день, по самые ноздри в воде, я понял, что только о них хочу помнить и только их хочу унести на тот свет.

Мне кажется, я всё-таки умер. Небо смотрело на меня твоими глазами, и мне было по-настоящему стыдно за то, как я хотел с тобой поступить.

Я не могу изменить своё прошлое, Аливетта, но могу изменить настоящее.

Прими мою клятву в том, что я не нанесу тебе вреда, не раскрою никому тайну твоего происхождения и не использую знания о тебе.

Я решил ввязаться в одно очень сомнительное дело и, возможно, не вернусь из него живым, так что ты вряд ли получишь от меня ещё хоть одно письмо. И это к лучшему.

Кстати, послание, что ты передала тогда для своей подруги, я сжёг. И мой тебе совет: не пытайся больше с ней связаться, иначе её используют против тебя.

Будь счастлива и не бойся моей мести.

Удачи.

Ярц

8-й день 1-го месяца 6974-го года

Продолжение истории Ярца и подробности дела, на которое он отправился, ищите в романе «Выбор королевского дознавателя».

Капитула третья, раздражённая

Возле комнаты меня поджидал Зиталь. Стоило его увидеть, как в груди поднялось глухое рокочущее раздражение. Да что им всем от меня нужно? Девиц вокруг – собирать замучаешься. На любой вкус, происхождение и кошелёк. Но нет.

«Только с возрастом мужчины начинают ценить взаимность. Молодым парням нравится играть в охотников и победителей, но и интерес после завоевания они теряют довольно быстро. Понимаешь, им нужна не конкретная девушка, не ты, а сам процесс. Добиться, получить запретное, утвердиться в своей неотразимости. Собственно, на этом всё. Знай: если ты упорно отказываешь, а он упорно настаивает – он просто не уважает твоё мнение, Аля, и не способен принять твою позицию. Опасайся отношений с таким, он будет и в дальнейшем игнорировать твои слова и потребности так же, как игнорировал твои отказы», – говорила Нинелла Цилаф.

Зиталь привалился плечом к косяку у двери в наш блок и с дразнящей улыбкой наблюдал за моим приближением. Когда я подошла почти вплотную, он достал из подмышки учебник по растениеведению и помахал им в воздухе.

– Что-то потеряла, Вета?

– Потеряла, – пришлось признать мне. – Где ты его нашёл?

– Услышал, что ты ищешь, нашёл и взял на себя труд принести сюда и обменять на поцелуй.

– Что? – нахмурилась я.

Душу до сих пор саднило после тяжёлого разговора с Сендой, и эти заигрывания Зиталя только сердили.

– Я решил, что ты поцелуешь меня в качестве маленькой благодарности за то, что я по всем факультетам бегал и выспрашивал про твой учебник.

Зиталь отлепился от косяка и вальяжным шагом молодого хищника приблизился ко мне. Я отступила назад и упёрлась спиной в стену. Это мы уже проходили много раз. Даже несмотря на мой немалый рост, он теперь нависал сверху, раздевая взглядом янтарных глаз.

Полная противоположность Сенды, но при этом не менее притягательная противоположность. Жуткий бабник, но ни одна из его бывших девушек не могла сказать, что он обошёлся с ней плохо. Зиталь всегда сразу предупреждал, что у отношений с ним есть срок годности в пару пятидневок, а то и меньше. Однако каждая из его подружек считала, что именно на ней система даст сбой.

– Вета, скажи, почему ты отвергаешь меня? Сколько бы я ни пытался вызвать в тебе ревность – тебе всё равно, с кем я. Сколько бы ни говорил, что для меня ты особенная – ты словно не слышишь… – его низкий голос был поразительно серьёзным, и во взгляде мелькнуло нечто, чего я не замечала раньше.

– К чему этот разговор, Зиталь? Ты же знаешь ответ.

– Может, ты думаешь, что с тобой будет, как с остальными? Нет, Вета. Я хочу тебя всерьёз, – он осторожно коснулся моего плеча и провёл пальцем по узору вышивки – синим коралловым змейкам на голубом фоне блузки.

Такое простое прикосновение вызвало сильнейший отклик. По рукам побежали мурашки, сердце забилось чаще.

– Я устал мечтать о тебе. Просыпаться от дикого желания, пульсирующего в паху. Искать тебе замену и не находить. Получать отказы, – тихо признался он. – Но и остановиться не могу. С того самого момента, как увидел тебя в первый раз, захотел, чтобы ты была рядом. Сильная, упрямая, смелая… Неприступная…

Его пальцы скользнули вдоль ключицы и опустились к груди, поглаживая вышитую змейку, петлями тела повторяющую рисунок защитного аркана.

– Олахир, остановись.

Сегодня наша маленькая игра отчего-то причиняла боль. Будь у меня возможность выбирать – кого бы я предпочла? Страстного смешливого Зиталя или вдумчивого осторожного Сенду? Чёрное и белое. Но одинаково недоступное.

– Стань моей арданой, Вета, – янтарноглазый уронил учебник на пол и потянулся к короткому кинжалу на поясе.

Я успела поймать его руку.

– Нет, Зиталь! Я не приму!

Он вжал меня в каменную кладку и вклинился коленом

между ног. Перехватил запястья и с неожиданной силой впечатал в стену над головой. Завладел губами. Этот поцелуй был совершенно иным, чем с Ярцем. Жадным, исступленным, требовательным. Внутри меня поднимались две волны – возбуждения и возмущения, и они захлёстывали с одинаковой силой.

– Нет, – я отвернулась, часто дыша. – Нет, отпусти. Я не стану твоей арданой и не отвечу взаимностью.

Он впился губами в мою шею и всем телом прижал к стене, словно не слыша отказа. И мне вдруг стало по-настоящему не по себе. Драться с ним? Кричать? Что делать, если в ответ на настойчивые ласки внутри разгорается пожар?

Едва уловимое движение – и вышитая на ткани змейка вдруг ожила, впиваясь в скулу Зиталя. Следом атаковала другая. Потом третья.

Брюнет резко отстранился и ошеломлённо попытался стряхнуть с себя маленьких защитниц.

– Это что? – возмущённо рявкнул он, зажимая в кулак оживший узор.

Оторвал змейку от себя – и на его рубашку упали рубиновые капли. В местах укусов на тонкой коже шеи проступили алые жемчужины крови.

– Я не знаю, Зиталь… – завороженно протянула я. – Какая-то защита, наверное…

Янтарноглазый отступил на шаг и с обидой посмотрел на меня.

– Что тебе не так? Я был терпелив, помогал тебе во всём, в чём мог. Предложил тебе косу. Чего тебе не хватает, Вета?

– Дело не в тебе, Зиталь. Я просто не могу позволить себе отношения на этом этапе.

– Почему? – настырно спросил он.

– У меня есть причины, и я не обязана объяснять. Мой ответ – нет, Зиталь. Уходи!

Он резко развернулся и, печатая шаг, покинул коридор женского общежития, а я наклонилась и подобрала валяющийся на полу учебник.

Сговорились они, что ли, душу из меня сегодня вынуть?

Ворвавшись в спальню, я упала на кровать и разрыдалась. Давно мне не было настолько тяжело и плохо. Как я продержусь тут ещё три года в таком режиме? С ума же сойду. Сенда меня возненавидит. Зиталь, наверное, уже возненавидел. Ви, которой не отвечаю на письма, наверное, решила, что я зазналась, и разочаровалась во мне. Но после того как Ярц показал мне, насколько уязвимы мои близкие, я не могла поступать иначе. Просто не могла.

Горячие слёзы впитывались в подушку, изнутри рвалась гайрона. Хотелось сделать что-то дикое, заорать во весь голос, разгромить комнату… Но вместо этого вытерла лицо и несколько раз глубоко вдохнула. Растекаться по кровати – не выход. Лучше сесть за экзаменационные темы.

«Воля – это конечный ресурс, Аливетта. Она исчерпаема. Нельзя строить свою жизнь так, чтобы она держалась на од-

ной лишь воле. Какой бы сильной ты ни была, всё равно сорвёшься рано или поздно. Лучше заранее запланируй проявления своих слабостей. Вдумчиво и осторожно создай для себя условия, в которых ты сможешь побыть ничтожной таким образом, чтобы этого не увидел и не узнал никто», – учила бабушка.

Отличный совет. Только вот как ему последовать? Уйти из академии в выходной, обернуться гайроной и вволю наплескаться? А хватит ли второформе одного дня? С каждым часом её натиск неумолимо усиливался. Да, нужно придумать, как стравить пар. Но впереди экзамены…

А вот сразу после них – несколько дней отдыха перед балом!

Можно предупредить девочек, что отправлюсь навестить дальнюю родственницу. И поддаться наконец желанию гайроны. Порезвиться несколько дней в воде. Остудить голову. И принять уже решение – учиться дальше или заявить права на то, что принадлежит моему роду.

И что такое неожиданное вытворила моя вышивка? Получается, это не просто узор, а вполне себе защитный артефакт? Надо поговорить на эту тему с Трайдорой. Раньше у сотворённых мною узоров как-то не было повода нападать на обидчиков. Интересно исследовать это явление.

Как ни старалась, отогнать тяжёлые мысли окончательно так и не получилось. Даже думала не идти в столовую…

– Вета, пора на ужин, выходи, а не то опоздаем, – посту-

чалась в дверь Трайда.

– Не хочу! – раздосадованно отозвалась я.

– Лорея! Горрия! Наша Вета при смерти! Она не хочет идти на ужин! Срочно несите сюда бинты и склянки! – громко позвала подруга.

– Та самая Вета, которая единственная не перестала есть, когда в столовой дрались Зурий и Крамут Гизор? – с наигранной обеспокоенностью спросила шатенка. – И которая потом сказала, что даже драка рыбака и королевского племянника не стоит того, чтобы ходить голодной?

– Вета, которая знает поимённо всех работников столовой и периодически получает вторую порцию десерта из-под полы? – раздался нарочито шокированный голос Лореи. – Срочно выламывайте дверь, я окажу ей первую помощь по протоколу лечения приматов!

– Молчит… – тягостно вздохнула Трайдора. – Состояние критическое! Вета, если ты умираешь, то оставь хотя бы завещание! Иначе мы передерёмся за твои платья с вышивкой!

Я хмыкнула, отодрала себя от постели и широко распахнула дверь. За ней сияли хитрющими улыбками довольные рожицы подруг.

– Змеищи ехидные! – сказала я, с трудом сдерживая улыбку.

– Змеи и ехидны – разные виды, но спишем спутанность мыслей на критическое состояние, – хохотнула Лорея. – Пойдём, нечего бока отлёживать!

– О, да ты нашла учебник! – обрадовалась за меня Трайдора, схватила за руку и потащила на выход из блока. – И где он был?

– Зиталь принёс, кто-то его из столовой забрал, а он озаботился поисками, – вздохнула я.

– Какой галантный кавалер, – выразительно сверкнула глазами Лорея.

Она входила в группу поддержки брюнета и каждый раз активно доказывала, что рядом со мной свои бабнические замашки он бросит и превратится в ручного крокодильчика. Приплачивал он ей, что ли?

– Ой, да нужен ей этот Зиталь, – махнула рукой шатенка. – Сегодня его в одной девице видели, завтра в другой.

– Ты хотела сказать: «сегодня с одной, завтра с другой»? – удивилась Трайдора.

Мы уже спустились по лестнице и заходили в столовую.

– Я что хотела, то и сказала. Шлюхан этот ваш Зиталь, и говорить тут нечего. То ли дело Сенда! Такой серьёзный, надёжный, положительный! – возразила Горрия.

Шатенка болела за проклятийника, и раз он не достался ей, то она от душевных щедрот готова была уступить его мне. Одиночество Лара её расстраивало до глубины души, видимо, переживала за интимное здоровье беловолосого.

– Ой, а сама-то! С кем только не крутила! – всплеснула руками Лорея.

– Именно поэтому с высоты своего опыта я и могу Зиталя

классифицировать: шлюхан обыкновенный, но необходимо признать, что умелый и арканы свои вовремя обновляющий. Но Вета может кого получше выбрать. Например, Сенду!

Кто бы сомневался.

Мы заняли любимый столик, девочки принесли ужин, а я всё переваривала события сегодняшнего дня. Вот и выходной, вот и отдохнула. Хорошо хоть все учимся в разных группах, нет необходимости видеть своих несостоявшихся арданов завтра с утра пораньше.

– Лучше расскажи, как с Сендой погуляли? – посмотрела на меня Горрия, наворачивая рагу с мангором.

В связи с сезоном, последний месяц года объявлен манговым: и пироги, и желе, и заправки, и соусы подавали исключительно из этого жёлтого фрукта. Вот теперь дело и до рагу дошло. Выглядело блюдо так, будто его уже кто-то ел, а потом оно вышло естественным, но чуть жидковатым образом.

Или это у меня просто аппетита не было.

– Плохо, – честно ответила я.

– Но почему? – возмутилась Горрия так, будто это лично её я обвинила в неприятном времяпрепровождении с Ларом.

– Были причины, – дипломатично постаралась я уйти от темы, уже жалея о сказанном.

Почему-то рассказывать про предложение Лара и последующий отказ не хотелось. Не хотелось ни сочувствия, ни упрёков. На душе было муторно и гадко. Зря я на ужин по-

шла. Мангоровое рагу поднять настроение не могло, разве что окончательно столкнуть в пучину отчаяния своим желтовато-переваренным видом.

А ведь ещё три года назад мне и в голову не пришло бы, как говорила повариха из приюта, «харчами перебирать». А теперь вот перебираю и еду, и кавалеров. Вот до чего сытая жизнь доводит. Думается, десятки студенток многое отдали бы за возможность стать арданой Зиталя Олахира.

Хотела поздороваться с Лодиакой, но она куда-то запропастилась. Выйдя из столовой в компании девочек, я вдруг поняла, что идти к себе не хочу. Мне нужен совет, но не любвеобильной Горрии, наивно-правильной Лореи или практичной Трайдоры, а человека, который способен мыслить, как я.

Вышла на улицу прямо в чём была – даже кардиган не удосужилась из комнаты захватить. Вечерняя прохлада забралась под тонкую ткань блузки и остудила голову. Пока подходила к зданию кафедры проклятий, тревога уже немного выветрилась, а кожу начал щипать холодок. Хорошо, что ночь сегодня обещала стать безветренной и лунной. Чудо, а не ночь.

Мрачные фикусовые аллеи выпустили меня из своих объятий, и я поднялась по широкому мраморному крыльцу родного факультета.

Зайтана Зиникора была у себя. Дверь её кабинета оказалась приоткрыта, и я осторожно постучалась.

– Веточка? Проходи, – приглашающе махнула рукой про-

клятийница. – Что случилось?

– Приветствую. Почему вы думаете, что что-то случилось? – спросила я, садясь в полюбившееся кресло.

– Ты редко когда приходишь два вечера подряд, а сегодня ещё и без куртки. Я, конечно, понимаю, что ты гайрона, но ваш вид тоже болеет простудой!

Беззлобно ворча, декан сделала нам чаю и поставила передо мной исходящую паром синюю кружку. Не просто кружку. Мою личную кружку, которую она купила и держала специально для меня. По помещению поплыл запах ароссы и карамели. Горячий фарфор согрел пальцы. А знание, что в кабинете декана проклятийного факультета хранится моя личная кружка, согрело душу.

– Мне сегодня сначала Сенда предложил стать его арданой, а потом Зиталь. Сговорились, каскарры! – пожаловалась я.

– Действительно, ужасные события, одно другого хуже. В тебя влюблены двое приятных перспективных юношей. Кошмар! – спрятала зайтана Зиникора лёгкую улыбку за фарфоровой чашкой.

– Мне пришлось им обоим отказать! И мне теперь плохо!

– Плохо, потому что плохо им, или плохо, потому что отказывать не хотелось? – задала седовласая собеседница первый вопрос.

– И того, и другого понемногу. Отказывать не хотелось, они оба мне нравятся, каждый по-своему…

– И чем же тебе Зиталь нравится? – вздёрнула она брови.

– Ну… он настойчивый… мускулистый… красивый… и… не подонок, – подумав, медленно ответила я.

– Негусто. А Сенда?

– Сенда – он особенный. Умный, въедливый, упрямый, честный, высокий и заботливый.

– Зиталь тоже упрямый и высокий, но ты это не отметила. А гайрона к кому благоволит?

– Да ни к кому, в том-то и дело. К Олахиру она вообще равнодушна – человек же, волосы вон какие тёмные. И глаза…

– Но он берёт напористостью, таскается за тобой, по углам зажимает, романтик с большой дороги, вот ты и подтаяла немного в его сторону. Бывает. Но поводов для расстройства не вижу. Как не вижу и особых поводов отказывать.

– Я боюсь, что гайрона может его выбрать. И тогда у меня привязка будет, а у него – нет.

– Это главный страх?

– Нет. Ещё боюсь, что король Аберрии может моим близким навредить. Шантажировать меня их жизнями или нечто подобное провернуть.

– Ты чай-то пей, – вздохнула зайтана Зиникора. – Что ж, страхи твои не пустые, но и жить одними страхами глупо, Вета. У меня вот муж умер. Страшно ли мне было стать вдовой? Безусловно. Жалею ли я о своём замужестве? Нисколько. Ты не можешь брать на себя ответственность за действия

и жизни других людей.

– Нет. Могу и должна. Я буду сюзереном Цейлаха, – тихо, но твёрдо ответила я.

В кабинете повисла ароматная тишина, и только мерное тиканье большого напольного икиса напоминало, что время не остановилось.

– Что ж, ты права. Но я бы всё равно разделила часть ответственности. Любая проблема решаема, если желать её решить. Сейчас ты отрицаешь сближение с кем-либо, а ведь могла бы получить сильнейшего соратника. Про Зиталя ничего не скажу, а вот Сенду я хорошо знаю. Ты нашла способ заставить меня принести тебе клятву о неразглашении, а он даст её куда охотнее. Что же до возможной неверности твоего ардана, то эта проблема решается такой же клятвой. Да и потом, у Сенды велика доля гайроньей крови. По моим наблюдениям, такие люди – однолюбы. Всё-таки близость к вашему виду накладывает отпечаток не только на внешность и магию, но даже и на выбор партнёра. Возможно, он чует в тебе гайрону, оттого и тянется так.

Зайтана Зиникора сделала глоток чая и вернула чашечку на блюдце. Переплела обтянутые истончившейся одрябшей кожей пальцы и упёрлась в них подбородком, поставив локти на стол.

– Не уверена, что хотела бы, чтобы Сенда стал моим партнёром на всю жизнь, – тихо проговорила я. – Да, у нас много общего, да, он привлекателен и искренен. Но… он словно

немного другой, чем я.

– Другой, – согласилась проклятийница. – А что говорит гайрона?

– Хочет на волю, в море.

– Я могу тебя прикрыть, если хочешь. Провожу до уединённой бухты и прослежу, чтобы рядом никого не оказалось.

– Хочу. После сессии. Боюсь, что одного дня моей второформе не хватит.

– Она не возьмёт над тобой полный контроль?

– Не знаю. Риск всегда есть.

– Так вот, давай вернёмся к твоим козарам… то есть женихам. Зиталь тебе приглянулся лишь тем, что проявляет настойчивость. Это нормально, так уж мы, женщины, устроены, что всегда обращаем внимание на тех, кому нравимся. Да и потом, быть завоёванной – это приятно. Однако не очень приятно быть трофеем, Вета, а одно без другого не бывает.

– Вот и бабушка так говорила, – вздохнула я.

– Кто мог знать, что у нас с Нинеллой Цилаф так много общих взглядов. Но не суть. Расстраиваться, что отказала какому-то парню, не стоит. Ты – девушка красивая, приметная и очень одарённая. Внимание привлекаешь. Давать всем, кому этого захочется, ты бы замучилась, так что не бери в голову. У парней играют гормоны, меня тут намедни один по заднице шлёпнул. Я нагнулась носок в сапоге поправить, а он сзади подошёл, да смачно так ещё приложил. Серьёзно, я аж молодость вспомнила.

– И что вы сделали? – хихикнула я.

– Ну, сначала в полный рост распрямилась, посмотрела, как у него лицо в трусы сползает, а потом прокляла хорошенько и назначила дисциплинарное взыскание первой степени. Но настроение он мне на целый день поднял. Если хоть сзади меня ещё можно принять за студентку, значит, рано пока на тот свет торопиться, – подмигнула зайтана Зинико-ра.

Я широко улыбнулась. Тревоги сами собой отступили на задний план, и дышать стало легче. Действительно, подумаешь, трагедия – предложили стать арданой, а я отказалась. Во-первых, можно и передумать. Во-вторых, это не последние предложения. Если уж такое предлагают Ветане Инор, то надо думать, что Аливетту Цилаф вниманием просто замучают. У меня сожалелка отвалится, если о каждом отказе буду сожалеть.

– А ещё у меня вышивка на блузке ожила.

– Да ну? И ты мне вот про этих мальчиков своих столько поведала, когда мы могли пообсуждать нечто действительно интересное? Где у тебя совесть, Вета? – насмешливо фыркнула декан.

– Я Цилаф, у нас врождённая атрофия совести, – рассмеялась я в ответ и рассказала о том, что произошло.

– Совета только два. Нарвись ещё на какие-нибудь неприятности и посмотри, что будет, это раз. Сходи посоветоваться к декану артефакторного факультета, это два. Но штука

интересная. Вышей-ка мне тоже что-то подобное, я поэкспериментирую. Мне всегда твои арканоузоры нравились, и не зря.

Допив чай, проклятийница завернула меня в свою шаль и выставила из кабинета, любовно погладив по голове на прощание.

Я шла к себе, раздумывая над её советами.

А что если открыться Сенде всё-таки можно?

Из переписки Абератты Позойтар и Дойлорры Элитеры

Лора, как твои дела? Какие новости?

Как думаешь, Инор уже достаточно расслабилась? Скоро бал, и я хочу напомнить ей о том, как она со мной поступила. Есть несколько идей, но пока ни на одной не остановилась.

Абератта

Аби, у меня всё хорошо. Сама понимаешь, с тех пор, как Инор перевелась на проклятийный, следить за ней стало куда сложнее, мы же даже едим в разных столовых.

Но думаю, что мести она не ожидает, поэтому сейчас отличное время, чтобы ударить внезапно и застать врасплох.

Кстати, видела сегодня Зиталя – он был зол, как стая рогатых каскарров. Кажется, Инор опять ему отказала. Вот думаю, может, его злость можно направить в нужное тебе русло?

Д.Э.

*Лора, отличная идея. Дорогая, может, ты захочешь приехать погостить к нам перед балом хотя бы на денёк? По-

сле сессии у тебя будут небольшие каникулы, а я так давно тебя не видела…

Абератта

Аби, прекрасно!

Отпрошусь у отца и дам тебе знать. А про Зиталя подумай. Она его уже два года за нос водит, думаю, он захочет её проучить.

Д.Э.

Капитула четвёртая, сочувственная

Утро началось с суматошных сборов.

Завтрак. Лекции. Проверочные работы. Обед. Практика. Физподготовка. Ужин.

В комнату в итоге я плелась не то чтобы совсем обессиленная, но близкая к этому. Зайтана Зиникора слово сдержала, и сегодня на тренировке всех гоняли так, что впору было взвыть. Мало полосы препятствий на занятиях по защитно-боевой магии, теперь ещё добавились и брусья с перекладинами на физподготовке.

У двери нашего блока топталась Лодиака, и я удивлённо затормозила, заметив её. Но заплаканное лицо буфетчицы всё расставило по своим местам.

К Горрии.

Неужели Гизор настолько жаден и туп, что не обновил аркан? Или дело в чём-то ещё?

– Приветствую, – поздоровалась я. – Ты к нашей зельеварке?

Лодиака всхлипнула и кивнула. Я отперла дверь блока и постучалась к шатенке. К счастью, та была на месте и не успела ускакать на очередное свидание.

– Ох, проходите… – смущённо распахнула дверь своей спальни Горрия.

Да, сотрудники академии к нам ещё не наведывались. Только студентки. Хозяйка комнаты присела на кровать рядом с гостьей, а я устроилась на свободном стуле. Слёзы из глаз Лодиаки полились сплошным потоком.

– Вот, возьмите, это немного вас успокоит, – протянула шатенка одну из своих пастилок, запахло лиймом. – И расскажите, какое именно зелье вам нужно.

– Ре… ребёночка вытравить… – горько проговорила Лодиака, и по тому, каким тоном она сказала про «ребёночка», сразу стало понятно, что делать этого она не хочет.

Девушки обычно говорили «избавиться от плода», «прервать беременность» или «сделать аборт». И даже от более мягких формулировок становилось тошно, но вот от этого жалобного «вытравить ребёночка» на душе стало гадко.

– Лоди, а разве ты хочешь это сделать? – вкрадчиво спросила я.

– Нет, не хочу-у-у, – замотала буфетчица головой, – но он сказал, что прибьёт меня, если я не вытравлю. Он… обсчитался с арканом… и меня бро-о-осил! – взвыла девушка и спрятала заплаканное лицо в пухлые ладони.

Сволочь Гизор. Впрочем, никакой новости в этом нет. И зачем Лодиака с ним вообще спуталась? Возраст должен ума прибавлять, а не проблем!

– Он мне денег дал… вытрави-и-ить, – прорыдала она. –

И сказал забы-ы-ыть… А я не хочу-у-у, – захлёбываясь слезами, часто и судорожно втягивала воздух буфетчица. – Не хочу-у-у вытравлива-а-ать…

Очень опастная ситуация. Если это ребёнок Гизора, то скрыться будет совсем непросто. Если Крам не совсем уж идиот, то через пару месяцев проверит, носит ли бывшая любовница под сердцем его бастарда или нет.

Горрия растерянно посмотрела на меня.

– Зачем я только с ним связала-а-ась, – простонала Лодиака.

Вот уж вопрос на тысячу доблонов. Понятно же, что такие мезальянсы только в сказках работают. А в реальной жизни буфетчица для племянника короля – постельный ресурс и расходный материал. И не его вина, что пышногрудая на это согласилась. Надо думать, за косы в постель к нему никто её не тянул. Но всё равно жалко её…

– А ты уверена, что беременна? – на всякий случай спросила я.

– Да! Я ж даже к целителю ходила… Давно знаю. Пропросто сказать не реш-шалась, – чуть заикаясь ответила Лодиака. – А вчера вот реши-и-илась!

– Вы пастилку-то съешьте, – настойчиво предложила Горрия. – И полегче станет.

– Кто же знал, что он тако-о-ой? – взвыла Лодика.

Э-э-э, да как бы все, у кого глаза и мозги есть, знали. Гизор ведёт себя так, что и сомнений никаких не остаётся. С

таким же успехом мог бы на лбу себе написать: «Я сволочь и горжусь этим, потому что больше нечем». Видимо, не написал, потому что не уместилось. Лоб-то там не три вары в ширину. Но разве такое рыдающей женщине скажешь? А хочется. Когда кто-то делает глупости, а потом приходит на твоё плечо реветь, всегда хочется сказать: «Потому что думать надо головой, а не задом и тем более не передом!». Но молчишь. Жалко же человека. Вот и молчишь. А если и скажешь, то осторожно, много позже, когда немного отболело, и появляются силы не только оплакивать ошибки, но и учиться на них.

– Лодиака, съешьте пастилку, – с нажимом попросила Горрия, когда рыдания усилились. – И слезами море не наполнишь. Вы успокойтесь и подумайте, что можно предпринять, чтобы беременность сохранить. У вас какой срок?

– Два месяца, – всхлипнула буфетчица.

– Ещё пару пятидневок есть время что-то предпринять. Поговорите с родителями, финансы посчитайте, может, с любовником вашим ещё раз ситуацию обсудите… – предложила шатенка, но я тут же возразила:

– А если ваш любовник человек не очень порядочный и при этом довольно могущественный, то лучше бегите от него к дальней родне куда-нибудь на другой остров, и там уже малыша растите. Ведь если это высокопоставленный человек, то бастард ему может быть поперёк горла. Так что будьте осторожны. Очень осторожны. Он уже показал, что доверять

ему нельзя.

Зельеварка удивлённо воззрилась на меня. Мол, откуда у Лодиаки высокопоставленный любовник? Ох, знала бы ты, Горрия. И я бы, может, тебе и рассказала, но если слухи по академии поползут, то хуже от этого только самой буфетчице будет. Несложно догадаться, на ком решит выместить гнев Гизор, если об их тайной связи станет известно.

Лодиака смотрела на меня несчастными заплаканными глазами.

– Я хочу оставить ребёнка-то… да… – тихо пробормотала она.

– Тогда лучше ничего никому не говори, особенно своему любовнику. Поднакопи денег, подготовься к переезду, а потом просто исчезни. Только убеди его, что аборт сделала. Солги ему. Приди, поплачь, как тебе плохо было. Может, он ещё денег даст. Главное, чтобы он уверился, что ты зелье приняла.

– Хорошо. Спасибо… – пролепетала пышногрудая и несколько раз громко шмыгнула носом.

– Пожалуйста. А теперь иди отдыхай. Соблюдай режим. Спи, ешь и постарайся поменьше нервничать. И будь предельно осторожна!

Лодиака завороженно кивнула, попрощалась с нами, засунула наконец в рот пастилку и ушла.

– Ты что-то знаешь! – обвинительно воскликнула Горрия, когда за гостьей закрылась дверь.

– Догадываюсь.

– Тогда давай внесём имя в список! Иначе могут быть другие пострадавшие…

– Я ни в чём не уверена.

Кто знает, может, если выяснится, что Гизор не освоил непремудрую науку предохранения, то к нему, наоборот, толпа желающих забеременеть кинется. Нет уж, такого праздника жизни он не заслужил.

Приняв ванну, я забралась в постель и закрыла глаза. Лодиаку жалко. Надо, наверное, денег ей дать. Если она решит ребёнка оставить, туго ей придётся. А я что-нибудь из вышивки всегда могу продать, раз уж она такая необычная получилась. В жемчуге я не купалась, но если смотреть на вещи беспристрастно, то мне куда проще заработать, чем беременной буфетчице. Всё равно, если уж решу доучиться, денег на оплату до конца не хватит, подрабатывать придётся, и начинать нужно уже сейчас. Деньги на третий курс у меня есть, даже на половину четвёртого. В прошлом году мы с Сендой удачно отреставрировали и продали две книги из лавки зайты Соргинды. Нужно будет покопаться там.

Я поднялась с кровати, подошла к шкафу, распахнула дверцы и придирчиво осмотрела свой гардероб. Из нового – только комплект, что купила в любимой лавке, обычные магазины мне не по карману. На серебристой юбке были жирные пятна и потёки, которые получилось замаскировать ультрамариновой вышивкой в виде снежинок. Их для меня ри-

совала бабушка и рассказывала, что далеко на севере они падают с неба. Именно этот комплект ждал предстоящего бала. Короткий необычный жакет с открытыми плечами расшила в том же стиле, что и многослойную юбку. А пронзительно-синий кушак дополнял комплект, создавая иллюзию платья. На нём – холодные серебристые звёзды и льдинки.

За два года я так вытянулась, что у большинства вещей на рукавах появились новые кружевные манжеты. А где-то пришлось и вовсе длину обрезать до локтя или плеча. Одежда, что подарила Горрия, уже была безнадёжно мала. Её можно продать в первую очередь. Дать объявление, подговорить девочек, и устроить распродажу в Нинаре в один из ярмарочных дней. Их как раз много в последний день года.

Решено!

Наметив план, я уснула успокоенная.

Утром на завтрак собиралась быстрее обычного. Хотелось переговорить с Лодиакой и передать ей доблон. Мне он погоды не сделает, а ей этих денег хватит на несколько месяцев. Обучение в Нинарской Академии очень дорогое, но оно в себя включает и образование, и проживание в отдельной комнате, и одежду, и учебные материалы, и даже услуги прачечной. А уж итоговый билет в жизнь – бесценен. В жаркий сезон устраивали ярмарку вакансий, и за некоторыми выпускниками этого года уже зарезервированы места. Особой популярностью, конечно, пользовались студенты целительского, судостроительного и архитектурного факультетов, но ин-

тересную работу предлагали и другим специалистам. Мы с Сендой два дня ходили на разведку, узнавали, кто нанимает проклятийников.

– Девочки, поторопитесь! – позвала я соседок, складывая учебники в сумку.

– Да времени ещё полно! – зевнула только проснувшаяся Трайда. – Не опоздаем.

– Мне нужно ещё с Лодиакой поговорить, – ответила я. – Так что давайте-давайте, не задерживайтесь!

В столовую в итоге я побежала одна. Этих копуш разве дождёшься? Вот только Лодиаки нигде не было. На раздаче стояла одна из кухарок.

– Приветствую! А Лодиака сегодня не вышла?

– Приветствую. Как видите… и не предупредила даже! – чуть сердито ответила кухарка. – Что вам положить? Сладкую ройсовую кашу с мангором, слойки с мангором, бутерброд с сыром и мангором?

Наивно было рассчитывать, что сезон мангора закончился вчера. Помнится, араны мы целых полтора месяца ели. Заведующая этой столовой считает, что свежие сезонные фрукты полезны студентам, и сколько мы не пытались убедить её, что студентам полезно разнообразие, она так и осталась при своём мнении. Что там у нас следующее по расписанию? Сезон бийи в начале года? Вот его и ждём с нетерпением.

Выбрав бутерброды и компот, села за облюбованный столик и принялась дожидаться девочек. По расписанию у меня

сейчас последняя лекция стихиеведения в этом году, а уже завтра – первый экзамен. Арканоплетение. Потом аркановедение. А затем – математика, чтоб её.

При мысли об этой дисциплине в груди появилось тревожное чувство неправильности, и даже после завтрака никуда не делось. Может, кашу надо было брать?

На лекцию не опоздала, устроилась на привычном месте и вяло смотрела, как ко мне приближается Зурий. Высокий беловолосый одногруппник – единственный, кто вместе со мной выбрал проклятийное направление. Изначально он хотел поступить на защитно-боевой факультет, но передумал в последний момент. А как радовался такому раскладу Хирут! Если бы не отказ Зурия, места на желаемой кафедре тому бы не хватило. Так что Тхорроты как планировали, так и учатся вместе. Я даже подозревала, что дело тут без взятки не обошлось, уж больно внезапно передумал беловолосый, но спрашивать не стала. Не моё дело.

– Главное – не уснуть, – пробасил одногруппник, вынимая из сумки блокнот.

– Да уж, – согласилась я.

Стихиеведение вёл зайтан Не́рда, небольшого роста старичок, у которого имелся только один тембр голоса – нудно-усыпляющий. Ещё и ставили его в расписании всегда первым, когда воспоминания о тёплой постельке были ещё так свежи. Так что среди студентов «не уснуть на лекции по стихиеведению» считалось одним из наивысших достижений.

Преподаватель медленно, небольшими шажочками зашёл в аудиторию, сел за стол и оглядел готовую бороться со сном аудиторию. Да, эту битву выиграть дано не всем, но отступать не намерен никто!

– Приветствую, зайты и зайтаны! – плавно, с убаюкивающей интонацией забубнил профессор Нерда. – Сегодня в заключительной лекции мы поговорим о пробуждении подводных вулканов. На прошлом занятии мы разбирали вулканы надземные, коих у нас в мире насчитывается двести четырнадцать активных и девятьсот двадцать семь неактивных, но этот счёт не включает в себя подводные вулканы, только надземные. А ведь среди подводных вулканов тоже есть как активные – четыреста девяносто три, если быть точным, – так и неактивные, коих насчитывается больше тысячи. Давайте с вами запишем названия и места расположения самых опасных активных подводных вулканов, имеющихся на Урмунде.

Бу-бу-бу-бу-бу.

Я записала двадцать девять штук. Трижды пихнула Зурия, чтобы он не отъезжал. Но на «Сумендитхикиа», расположенном возле острова Китанин, я и сама отплыла в чудесный мир сновидений…

В себя пришла от тычка в спину.

– И какие же меры предпринимаются для сдерживания вулканической активности? – без изменения интонации тихо продолжал лектор. – Для начала все пятьдесят шесть записанных вами вулканов оснащены специальными чувстви-

тельными урдиновыми самозаряжающимися артефактами, которые позволяют отслеживать активность вулкана. На кратеры наложены сложнейшие плетения, которые в случае извержения помогут направить лаву в определённое русло так, чтобы она не нанесла вред населению и послужила формированию нового островного материала. Подводные вулканы, как правило, куда мощнее наземных, и специфика работы с ними такова, что полезного для строительства островов материала они дают куда больше, но получившиеся в результате этого новые вулканические острова требуют больших вложений, чтобы стать безопасными для заселения. Рассмотрим плетение «Кольцевой охват», одно из самых часто используемых при работе с вулканами. Как видите, это полярный аркан, который плетётся как минимум двумя, а лучше – четырьмя чародеями.

Бу-бу-бу-бу-бу.

Зурий мирно сопел рядом, и я потрясла его за плечо. Нет, понятно, что нам подобное плетение не под силу – таким сложным чарам обучают только на кафедре стихиеведения, да ещё и пары формируют долго и с большими сложностями. Просто так два незнакомых мага сплести общий аркан не смогут, хоть ты мясом наружу вывернись. Именно поэтому среди успешных стихийников так много семейных пар, родственников и гайронов. Нам-то гармонизация сил в паре подарена самой природой, грех это в работе не использовать.

Стихийники – всегда самый немногочисленный и приви-

легированный факультет. Начнём хотя бы с того, что обучение там бесплатное. А жалование потом они получают очень даже высокое. Но это и логично – график работы у них ненормированный. Извержения вулканов, ураганы, штормы и землетрясения почему-то чаще всего случаются разом, по ночам и в выходные, а не по будням с девяти до пяти. Про риски даже и упоминать не стоит, и так всё понятно. Вот только стихийник, что не нашёл себе пару, а лучше даже группу, бесполезен. Ну не усмиришь ты вулкан в одиночку, будь хоть трижды гением с неограниченным запасом артефактов-накопителей.

Видимо, зайтан Нерда пару не нашёл, потерял или занудил до изощрённого самоубийства об вулкан. А ведь какой интересный предмет, учебником-то все зачитываются.

На обеде Лодиаки тоже не было. Как и на ужине. А беспокойство так и росло.

«Всегда доверяй своей интуиции, Аля. Если тебе кажется, что тебе лгут, значит, тебе лгут. Просто выясни, в чём. Не верь глазам, ушам и даже нюху. Их можно обмануть. Верь себе. Прислушивайся к гайроне, её чуйка ещё сильнее твоей. Верь вот этому противному внутреннему предчувствию беды, оно слишком лениво, чтобы ворочаться напрасно. Верь сердцу, если оно не лежит к человеку или поступку. Обманывай других, но никогда – себя», – вспомнились слова бабушки.

Только вот к чему относилось это гаденькое чувство:

к предстоящей сессии или исчезновению Лодиаки?

Из писем Виóлы Зинтóзы к Аливетте Цилаф

Аля!

Я научилась делать почтовый портал! Святая Ама Истас, чуть пупок не развязался от усердия и глаза из орбит не повыпадали от напряжения. И как вы это с такой лёгкостью делаете?!

У меня всё хорошо! Даже отлично! Столько новостей, даже не знаю, с какой начать!

Ох, Аля, ты даже не представляешь, что творилось у нас в приюте под самым нашим носом, а мы и не знали. Мне столько всего нужно тебе рассказать. Но главное: скажи, как ты? Я безумно скучаю и надеюсь, что у тебя всё хорошо!

Твоя Ви

21/12/6975

Аля!

Я думаю, что ты не ответила, так как опасаешься, что тебя могут отследить через почтовый портал. Уверяю, что это не так. Но ты жива, раз приняла письмо, а для меня это главное.

Ты бы только знала, чем я теперь занимаюсь. У меня самая интересная на свете работа в архиве. В каком? Никогда

не угадаешь! Если вдруг тебе нужны деньги или помощь – обязательно сообщи!

Твоя Ви

16/13/6975

Аля!

Ты всё-таки бошься, что от моего имени пишет кто-то другой. Вот мой магический оттиск. Клянусь, что о твоём ответе никто, кроме меня, не узнает. Да, меня научили давать письменные клятвы тоже.

Твоя Ви

1/14/6975

Аля!

Хоть ты не отвечаешь, но я рада, что ты жива. Очень люблю тебя и надеюсь на встречу. Пусть у тебя всё будет хорошо!

Твоя Ви

13/15/6975

Капитула пятая, полная неудач

Я вышла из аудитории, закрыла за собой дверь и привалилась спиной к стене рядом с входом. Каскарр! Девять баллов! Девять! Это провал. Каскаррова математика!

Стукнулась затылком о камень. А потом ещё раз, посильнее. Да что со мной не так? Почему мне так тяжело это даётся? Вон, Трайдора, небось, опять на сорок сдаст. Даже довольно легкомысленная Горрия и то ниже двадцати ещё не получала. А у меня личный антирекорд. Девять баллов за экзамен. Позор!

А после обеда ещё и сдача защитно-боевой магии. И мало полосы препятствий с кидающимися арканами старшекурсниками, так ещё и льёт с утра водопадом. Да и Лодиака так и не объявилась. И с каждым прошедшим днём мне это нравилось всё меньше и меньше. Нехорошее предчувствие не покидало, но по-прежнему сложно было сказать, связано оно с сессией или с исчезновением беременной знакомой. Может, она вняла совету и уехала к родне? Но как же это выяснить?

По итогам трёх экзаменов я получила восемьдесят один балл из ста двадцати. И это очень, очень мало. Если так пойдёт и дальше, триста баллов не наберу.

Прикрыла веки и принялась глубоко, размеренно дышать. Паника никому ещё не помогала. А экзамены хорошо сдают

не только те, кто знает материал, но и те, кто умеет справиться с волнением и собраться с мыслями. Осталось набрать только двести девятнадцать баллов. Восемьдесят или около того принесут теория и практика по проклятиям. Ещё около шестидесяти – артефакторика и целительство. Защитно-боевая – ближе к сорока, тут я одна из лучших на курсе.

Тогда зельеведение и зельеварение можно будет сдать на сорок баллов в совокупности. Если повезёт с практической темой, то можно и шестьдесят набрать. Самое главное, что в расписании они стоят только завтра, есть ещё один день на подготовку.

Отлепила себя от стены и побрела прочь от аудитории, где наш поток сдавал математику. Нужно поваляться и отдохнуть перед полосой препятствий. Заодно учебник почитать. Но сначала – обед.

Лодиака, естественно, так и не появилась, и никто не знал, где она, даже руководство академии. И никому до её исчезновения не было дела.

Когда я уже доела, пришли подруги.

– Ну как? – спросила я у довольной шатенки, хотя и не сомневалась, что свои любимые предметы она сдаст отлично.

– Восемьдесят! И теория, и практика без нареканий, – просияла она. – И мне предложили подработку на кафедре. Оказывается, академия выполняет зельеварческие заказы, и им нужно закончить до опорретана, а старшекурсники разъедутся на каникулы. Я согласилась. Домой отправлюсь

на праздники, а до бала поработаю в лаборатории.

– Отличная новость! Очень за тебя рада, – честно сказала я.

– А ты как математику сдала? Совсем плохо? – спросила рыжая, ставя на стол поднос с обедом.

– Да. Девять баллов, – уныло ответила я.

– Девять? – ошарашенно переспросила Трайдора. – Вета, ну это никуда не годится!

– А то она не знает, – огрызнулась Горрия. – Чего теперь? Ну девять и девять. Триста всё равно наберёшь, никуда не денешься.

– Хотелось бы верить…

– Ой, можно подумать, ни у кого таких провалов не было. Вспомни, как Трайдора сдала защитно-боевую на одиннадцать баллов, а потом следом целительство на четырнадцать. И ничего! Ускреблась же, – подбодрила меня Горрия.

– Или как Горрия забыла, что у неё экзамен по законоведчеству, не явилась и получила ноль! – чуть обиженно фыркнула Трайдора. – И ничего, даже триста двадцать набрала.

– У меня была уважительная причина! – весело воскликнула шатенка. – Я думала, что влюбилась! Но, слава святой Аме Истас, пронесло.

– А ты что сдавала? – спросила я у рыжей.

– Целительство. Двадцать два, – с тоской вздохнула Трайдора. – В общем, когда она мне ногу порезала, я так запаниковала, что сначала принялась накладывать кровоостанавли-

вающий аркан, взвыла от боли, влила слишком много силы, нарушила себе кровоток во всей ноге и получила здоровенный синяк. Но теорию правильно рассказала, поэтому двадцать – за теорию и два за то, что вообще смогла сплести аркан. Синяк – на память. Это зайтана Сендагилея так сказала. Заодно предложила мне потренироваться с рассасывающим синяки арканом. Змеища.

– А мне она нравится, – возразила я. – Хоть и язвительная, но дело своё знает. Да, методы у неё, конечно, не самые гуманные, зато в критической ситуации мы не растеряемся. Но когда она первый раз меня ножом по руке полоснула, я, конечно, тоже обалдела и заорала. Зато теперь, наверное, смогу лучше сообразить, что к чему при реальном ранении.

– Да мы для неё не люди, а материал для экспериментов! – обиженно надула губы Трайдора. – Не надо мне ногу ломать, чтобы обучить сращивающему кости аркану. Я и в теории с этим справлюсь.

– Ну так она и показывает нам, что теория без практики – ничто. Хотя с ногой, я согласна, мне тогда тоже не понравилось. А Хунир две пятидневки потом хромал.

– И всё это за наши же деньги, – возмущённо вздохнула Трайдора.

– Вы как? Доели? – посмотрела я на почти опустевшие тарелки подруг. – Пойдёмте в блок. Я полежать хочу немного до экзамена по защитно-боевой.

– Иди! Я ещё десерт хочу взять, – сказала Горрия, стрель-

нув глазами в сторону раздачи. – Люблю мангоровое желе.

Лично меня от мангора уже подташнивало, но это от избалованности. Или нервов.

На выходе из столовой я столкнулась с Сендой.

– Извини, тороплюсь, – Лар отодвинул меня с дороги и устремился в столовую, даже не обернувшись.

И без того паршивое настроение ухнуло в бездну. В таком не экзамены сдавать, а предателей к смертной казни приговаривать. Я даже Сенду сначала немного приговорила, но потом всё-таки помиловала. Понятно, что ему неприятно видеть девушку, которая фактически отвергла его косу. Хоть коса никуда не делась, осадочек-то остался.

Дойдя до комнаты, я ничком рухнула в постель и молча лежала, пока не настало время идти на экзамен. Обуваться и брать сумку не стала – оставила всё в зачарованном шкафу. Преподавательские методы зайтана Гадуара, декана защитно-боевого факультета, который всегда лично принимал экзамены у старшекурсников, на первый, да и на второй взгляд ничем не отличались от попыток своих студентов переубивать. Так что я надела самые паршивые шальвары, безнадёжно испорченный воском тонкий свитер и побрела на улицу босиком. Всё равно сдавать придётся по колено в грязи, обувь только помешает. Интересно, это стихийники помогают зайтану Гадуару вызывать дождь на занятиях, или так само совпадает?

Экзамен мы сдавали на старой полосе, где уже давно ни-

кто не тренировался. Чтоб не привыкали. Брёвна покрылись влажным мхом, верёвки засалились, под деревянными конструкциями со временем образовались не просто лужи, а целые грязные болота. После итогового экзамена в прошлом году воспоминания остались не самые радужные. Я тогда чуть не сломала себе нос и свалилась в грязь с трёхваровой высоты.

У начала полосы уже столпились студенты и тянули жребии. Хорошо, что в этом году у нас индивидуальный зачёт, в следующем обещают групповой, и это будет куда хуже.

Ливень прекратился, но из-за тумана видимость почти нулевая, со старта можно разглядеть лишь первую точку – возвышающуюся над полосой препятствий надстройку. Первую

из десяти. А ведь в этом тумане придётся немало прыгать и закрываться от атакующих старшекурсников. Лупить арканами в ответ никто не запрещает, но как быть, если ни каскарра не видно? Да и толку от прекращения ливня мало – полоса-то всё равно уже вся мокрая.

– Ваш номер первый, – обрадовала меня незнакомая помощница декана.

Серьёзно? Первый?!

По лицам остальных было заметно, что все за меня ужасно рады. В том смысле, что первый номер выпал мне, а не им. Подойдя к ветхому подъёму, пожалела, что не надела сапоги. Но кто же знал, что дождь кончится. Да и по грязи всё равно ползти придётся.

Ладно.

Погнали.

Первая точка.

Я полной грудью вдыхаю перенасыщенный влагой воздух. Пахнет сырой древесиной, затхлой стоячей водой и тропическим лесом. Под стопами – скользкие деревянные доски. Холодные. Пальцы обеих рук покалывает и печёт – я черчу свой любимый щит, чтобы поднять его двумя руками и слить два слоя друг с другом. Начинать со щитом нельзя, а кто-нибудь обязательно попытается поджарить мне зад до того, как я подниму защиту.

Чуть наклоняюсь вперёд и жду команды:

– Пошла! – громкий голос гасится туманом.

Я вскидываю ладони и срываюсь в бег. Передо мной вспыхивает золотой щит. Раскидываю руки в разные стороны – держать баланс. Босые ноги чуть скользят по брусьям, но время поджимает.

Время против меня.

Природа против меня.

Чужая магия против меня.

Ну и что?

Первая шаровая молния бьёт в щит, взрывается перед лицом и грозит сбить с ног. Щит трещит, вливаю в него больше сил. Прищуриваю глаза и пригибаюсь – сверху пролетает второй светящийся сгусток. Мазилы! Делаю рывок вверх и вбегаю на площадку. Не останавливаюсь, с разгона прыгаю и лечу. Падаю на верёвочную лестницу, цепляюсь и быстро перебираю руками – снизу меня хочет поджарить боевик.

– Тхундúт! – кидаю в него проклятие.

Простое плетение рассекает пространство и впивается в парня – минус один боец. Он смешно замирает с вытянутой рукой, и на ней гаснет недоплетённый аркан.

Хватаюсь руками за доску над головой и подтягиваю тело, помогая себе ногами. Взбираюсь на вторую точку. Замираю на секунду и тут же получаю ведро грязной воды – сбоку смеётся второй старшекурсник. Ну да, щит воду не держит. Зато держит огненные стрелы. Отражаю их одну за другой и хватаюсь за канат. Прыгаю и лечу на нём к третьей точке, но инерцию гасит сильнейший воздушный аркан. Я повисаю в

воздухе ровно посередине между двумя точками. Обхватываю канат босыми ногами и зажимаю между стоп, но раскачаться мне не дадут. Это слишком долго! Снизу летят снаряды. Щит трещит, но не тухнет. Пахнет озоном, как после грозы. Руки заняты – не поколдуешь.

– Сбивай её на землю! – кричит весёлый голос.

– И шальвары на ней спали! – вторит другой.

Какие все добрые! Ну, ловите тогда.

Держу себя руками, а канат раскручиваю правой ногой, наматывая на колено, его кончик чертит круги по луже внизу. Резко стискиваю ноги, сгибаю их, зажимая верёвку, и отпускаю руки – роняю тело вниз и на лету кидаю в каждого из противников по проклятью.

– Тхунди́т! Тхунди́т!

Они обиженно замирают в нелепых позах, а я всё сильнее раскачиваюсь, вися вниз головой. Минус двое, но проклятие надолго их не задержит. Первый скоро очнётся. Маятником летаю меж двух точек – изо всех сил толкаюсь от второй и наконец вцепляюсь руками в мокрую перекладину на третьей, выпутываюсь из каната, подтягиваюсь и закидываю свободную ногу на перекладину. Втаскиваю себя на третью точку. А дальше выдыхаю. Обновляю щит и делаю медленный спокойный шаг. Передо мной дорожкой стоит десяток тонких столбов, каждый размером с ладонь в диаметре. Есть куда поставить стопу, но только одну. Эти брёвна вкопаны в землю в варе друг от друга, дальние тают в тумане, как и

их основания. Кажется, что дорожка теряется в бесконечности. Под ногами – пропасть, падать высоко и больно. Срезы скользкие от дождя и времени. Но останавливаться и думать нельзя!

Время. Да, оно против меня.

Сердце отсчитывает безумный ритм. Три удара в секунду.

Вдох. Шаг. Баланс. Выдох. Шаг.

От кожи исходит жар. Туман застилает взор. Снова моросит. Я шагаю по столбам и вижу, как в меня летит новый воздушный аркан. Хочет сдуть. Каскарр! Резко оседаю на одной ноге, второй обвиваю бревно, руками вцепляюсь в него и жду. Аркан едва не стаскивает в пропасть, но я пережидаю и встаю, делаю новый шаг. Второй. Третий… Четвёртая точка есть!

Натянутый между двумя деревянными башнями канат. Обхватываю его руками и ногами, обновляю щит, ползу к цели. Можно было бы пройти, но собьют же. А того, кто припечатывает воздушными арканами, я не вижу. Середина. Толстая мокрая верёвка провисает, и теперь я забираюсь вверх, это сложнее. Доползаю до пятой точки и втягиваю себя на платформу.

Передо мной лежит толстый брус, а над ним маятниками качаются из стороны в сторону колоды. Ловлю ритм. Делаю шаг. В одну из них влетает огненный шар. Мимо меня! Но колода сокращает амплитуду и отлетает на меня. Делаю полшага назад, и тут же получаю удар в плечо. Чудом удержива-

юсь и рвусь вперёд, пока виден просвет. Полена раскачиваются из стороны в сторону. Уклоняюсь. Шагаю. Пропускаю. Ноги дрожат. Шагаю. Ещё шаг – и я на шестой точке. Дыхание сбилось. Щит почти погас. Обновляю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.